

Карл Шмитт

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНА

Промежуточное замечание по поводу понятия Политического

Посвящается Эрнсту Форстхоффу
к 60-летию юбилею
13 сентября 1962 года

Предисловие

Данное сочинение о *Теории партизана* возникло из двух лекций, которые я прочитал весной 1962 года – 15 марта в Памплоне, по приглашению Estudio General de Navarra, и 17 марта в университете Сарагосы, в рамках мероприятий Catedra Palafox, по приглашению ее директора, профессора Луиса Гарсия Ариас. Лекция напечатана в публикациях Catedra в конце 1962 года.

Подзаголовок *Промежуточное замечание по поводу понятия Политического* можно объяснить исходя из конкретного мгновения публикации. Издательство в настоящее время готовится вновь опубликовать мой текст 1932 года. В последние десятилетия появились многочисленные следствия на данную тему. Данное сочинение не является таким следствием; это самостоятельный, пусть и эскизный труд, тема которого неизбежно выливается в проблему различения друга и врага. Таким образом, я хотел лишь представить эту разработку моих лекций весны 1962 года в неприязнительной форме промежуточного замечания и тем самым сделать их доступными для всех тех, кто до сих пор внимательно следил за сложной дискуссией о понятии политического.

Февраль 1963 года

Карл Шмитт

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Взгляд на исходное положение 1808/13

Горизонт нашего рассмотрения

Слово и понятие партизан

Взгляд на международно-правовое положение

Развитие теории

Прусские разногласия с партизанством

Партизан как прусский идеал 1813 года и поворот к теории

От Клаузевица к Ленину

От Ленина к Мао Цзэду

От Мао Цзэдуна к Раулю Салану

Аспекты и понятия последней стадии

Аспект пространства

Разрушение социальных структур

Всемирно-политический контекст

Технический аспект

Легальность и легитимность

Настоящий враг

От настоящего врага к врагу абсолютному

Введение

Взгляд на исходное положение 1808/13

Исходным положением для наших размышлений о проблеме партизана является герилья, которую испанский народ вел в 1808 – 1813 годах против войска чужого завоевателя. В этой войне народ – добуржуазный, доиндустриальный, доконвенциональный народ – впервые столкнулся с современной, вышедшей из опыта Французской революции, хорошо организованной, регу-

лярной армией. Благодаря этому открылись новые пространства войны, образовались новые понятия ведения войны, и возникло новое учение о войне и политике.

Партизан сражается нерегулярным образом. Но различие между регулярной и нерегулярной борьбой зависит от точности регулярного и обретает свою конкретную противоположность и тем самым также свое понятие только в современных организационных формах, которые возникают из войн Французской революции. Во все времена человечество вело войны и битвы; во все времена имелись правила ведения войны и правила ведения боя, и вследствие этого также нарушение правил и небрежение правилами. В особенности во все времена разложения, к примеру, во время Тридцатилетней войны на немецкой земле (1618-48), далее во всех гражданских войнах и во всех колониальных войнах мировой истории снова и снова обнаруживаются явления, которые можно назвать партизанскими. Только при этом следует иметь в виду, что, для теории партизана в целом, сила и значение его нерегулярности определяется силой и значением партизаном под вопрос поставленного регулярного. Именно это Регулярное государства, как и Регулярное армии обретает как во французском государстве, так и во французской армии благодаря Наполеону новую, точную определенность. Бесчисленные войны белых завоевателей против американских индейцев с 17 по 19 века, впрочем, как и методы стрелков (Riflemen) во время американской войны за независимость против регулярной английской армии (1774-83) и гражданская война в Вандее между шуанами и якобинцами (1793-96) относятся все без исключения еще к до-наполеоновской стадии. Новое военное искусство регулярных армий Наполеона возникло из нового, революционного способа ведения боевых действий. Одному прусскому офицеру того времени вся кампания Наполеона 1806 года против Пруссии представлялось лишь как «Одно большое политиканство».

Партизан испанской герильи 1808 года был первым, кто отважился нерегулярно бороться против первых современных регулярных армий. Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию; собственно испанская герилья началась только после этого поражения регулярной армии. Еще нет полной, документированной истории испанской партизанской войны. Она, как говорит Fernando Solano Costa в своем цитированном в примечании сочинении *Los Guerrilleros*, необходима, но и очень трудна, поскольку общая испанская герилья складывалась из приблизительно 200 региональных маленьких войн в Астурии, Арагонии, Каталонии, Наварре, Кастилии и т.д., под руководством многочисленных борцов, чьи имена окутаны множеством мифов и легенд, среди них Juan Martin Diez, который как *Empecinado* стал ужасом для французов и сделал дорогу из Мадрида в Сарагосу ненадежной. Эта партизанская война велась обеими сторонами с самой ужасной жестокостью, и не вызывает удивления то, что много текстов друзей французов напечатаны как труды сторонников герильи. Однако как бы ни соотносились миф и

легенда, с одной стороны, и документированная история, с другой, – линии нашего исходного положения в любом случае ясны. Согласно Клаузевицу часто половина общей французской военной силы находилась в Испании и половина ее, а именно 250-260 000 человек, были втянуты в герилью; их число оценивается Gomez de Artechе в 50 000, другие предлагают гораздо меньшие цифры.

Ситуация испанского партизана 1808 года характеризуется прежде всего тем, что он отваживался на борьбу на своей небольшой родной почве, в то время как его король и семья короля еще точно не знали, кто же был настоящим врагом. В этом отношении легитимная власть вела себя тогда в Испании не иначе чем в Германии. Кроме того, высшее духовенство и буржуазия повсюду были *afrancesados* (друзья французов), то есть ситуация в Испании характеризуется тем, что образованные слои аристократии, симпатизировали чужому завоевателю. И в этом отношении выявляются параллели с Германией, где великий немецкий поэт Гете создавал гимны во славу Наполеона, и где немецкое образование никогда окончательно не уяснило для себя, на чьей же оно стороне. В Испании Guerrillero осмеливался на безнадежную борьбу, бедняга, первый типичный случай нерегулярного пушечного мяса конфликтов, имеющих политическое значение для всего мира. Все это в качестве увертюры принадлежит теории партизана.

В то время искра попала из Испании на север. Она не раздула там такой же пожар, который обеспечил испанской герилье ее всемирно-историческое значение. Но она оказала там такое воздействие, чье развитие сегодня, во второй половине 20 века, изменяет облик Земли и человечества. Она вызвала к жизни теорию войны и вражды, которая последовательно достигает апогея в теории партизана.

Сначала, в 1809 году, во время краткой войны, которую вела австрийская монархия против Наполеона, была сделана планомерная попытка подражать испанскому примеру. Австрийское правительство в Вене инсценировало с помощью знаменитых публицистов, среди которых были Фридрих Гентц и Фридрих Шлегель, национальную пропаганду против Наполеона. Были переведены на немецкий язык и распространялись испанские труды. Генрих фон Клейст поспешил сюда и продолжил после этой австрийской войны 1809 года антифранцузскую пропаганду в Берлине. В эти годы, вплоть до своей смерти в ноябре 1811 года, он стал собственно поэтом национального сопротивления чужому завоевателю. Его драма «Тевтобургская битва» (Die Hermannsschlacht) – это самое великое партизанское творение всех времен. Он также сочинил стихотворение Палафоксу (An Palafox), поставив защитника Сарагосы в один ряд с Леонидом, Арминием и Вильгельмом Теллем. То, что реформаторы в прусском генеральном штабе, прежде всего Гнейзенау и Шарнхорст, были глубоко потрясены испанским примером и старались в своих реорганизациях иметь его в виду, известно и ниже будет еще разбирать-

ся. В мире идей этих прусских офицеров генерального штаба 1808-1813 годов заключены также ростки книги *О войне*, благодаря которой имя Клаузевиц получило почти мифическое звучание. Его формула о *войне как продолжении политики* содержит уже в сжатом виде теорию партизана, чья логика доведена до конца Лениным и Мао Цзэдуном, как будет нами показано ниже.

До настоящей герильи-народной войны, которая должна быть упомянута в связи с нашей проблемой партизана, дошло дело только в Тироле, где действовали Андреас Хофер, Шпекбахер и капуцинский священник Хаспингер. Тирольтцы стали *мощным факелом*, как выразился Клаузевиц. Впрочем, эта эпоха 1809 года быстро окончилась. И в остальных областях Германии дело не дошло до партизанской войны против французов. Сильный национальный импульс, обнаруживающийся в отдельных мятежах и партизанских отрядах, очень быстро и без остатка вылился в пути регулярной войны. Битвы весны и лета 1813 года происходили на поле сражения, а исход реализовался в битве лицом к лицу в октябре 1813 года под Лейпцигом.

Венский конгресс 1814-1815 годов вновь восстановил, в рамках всеобщей реставрации, понятия европейского права войны. Это была одна из самых поразительных реставраций в мировой истории. Она имела огромный успех, так что это право войны оберегаемой континентальной войны на суше еще в первую мировую войну 1914-18 годов определяло европейскую практику ведения войны на суше. Еще сегодня это право именуется *классическим* правом войны, и оно заслуживает этого имени. Ибо оно знает ясные различия, прежде всего, различия войны и мира, участников войны от неучастников войны, врага и преступника. Война ведется между государствами как война регулярных, государственных армий, между суверенными носителями *jus belli*, которые и в войне рассматривают себя как враги и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, так что заключение мира возможно и даже остается нормальным, само собой разумеющимся концом войны. Перед лицом такой классической правильности – пока она имеет настоящую действенную силу – партизан мог быть только периферийным явлением, каким он фактически и являлся еще во время всей первой мировой войны (1914-18).

Горизонт нашего рассмотрения

Когда я при случае говорю о *современных* теориях партизана, я должен подчеркнуть для выяснения темы то, что *старых* теорий партизана в противоположность современным теориям собственно вообще не существует. В классическом праве войны прежнего европейского международного права нет места партизану в современном смысле. Он или – как в войне по династическим причинам 18 века – вид *легкого*, особенно подвижного, но регулярного отряда, или он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне

права и hors la loi. До тех пор, пока в войне сохранялось еще нечто от представления о дуэли и от рыцарства, по другому и быть не могло.

С введением всеобщей воинской повинности конечно все войны становятся по идее народными войнами, и тогда скоро создаются ситуации, которые для классического права войны являются трудными и часто даже неразрешимыми, как например ситуация более или менее импровизированного *levee en masse*, или добровольческий корпус или «вольные стрелки». Об этом речь впереди. В любом случае, война остается принципиально оберегаемой (*gehegt*), и партизан – вне этого оберегания (*Hegung*). Теперь даже его сущностью и его экзистенцией становится то, что он находится вне любого оберегания. Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвернулся от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в область иной, настоящей вражды, которая возрастает путем террора и антитеррора до истребления.

Два рода войны особенно важны в контексте явления партизана и в известном смысле даже родственны с этим явлением: гражданская война и колониальная война. В явлении партизана современности эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло эти две опасных формы проявления войны и вражды на периферию. Война *jus publicum Europaeum* была *межгосударственной* войной, которую вела одна регулярная государственная армия с другой. Открытая гражданская война считалась вооруженным восстанием, которое подавлялось с помощью осадного положения полицией и отрядами регулярной армии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран – таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под вопрос регулярную войну государства как классическую модель.

Особо необходимо упомянуть здесь Россию. Русская армия в течение всего 19 века вела многие войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-немецкая армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу против наполеоновской армии. Летом 1812 года русские партизаны под военным руководством мешали французской армии в ее продвижении к Москве; осенью и зимой того же года русские крестьяне убивали обратившихся в бегство, замерзших и голодных французов. Все это продолжалось немногим более полугода, но этого оказалось достаточно, чтобы стать историческим событием, имевшим огромное воздействие, правда, больше ввиду политического мифа и его различных толкований, чем из-за его парадигматического воздействия для научной теории войны. Мы должны упомянуть здесь, по меньшей мере, два разных, даже противоположных толкования этой русской партизанской войны 1812 года: одно анархистское, обоснованное Бакуниным и Кропоткиным и ставшее всемирно известным благодаря

описаниям в романе Толстого «Война и мир», и большевистское использование в сталинской тактике и стратегии революционной войны.

Толстой не был анархистом типа Бакунина или Кропоткина, но тем большим было его воздействие. Его эпопея «Война и мир» содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история. Толстой возвышает русского партизана 1812 года до носителя стихийных сил русской земли, которая сбрасывает с себя знаменитого императора Наполеона вместе с его блестящей армией как надоедливое вредное насекомое. Необразованный, неграмотный мужик у Толстого не только сильнее, но и интеллигентнее, чем все стратеги и тактики, прежде всего интеллигентнее самого великого полководца Наполеона, который становится марионеткой в руках исторического свершения. Сталин подхватил этот миф коренной национальной партизанской борьбы во время Второй мировой войны с Германией и весьма конкретно поставил его на службу своей коммунистической мировой политике. Это означает существенно новую стадию явления партизана, в начале которой стоит имя Мао Цзэдуна.

Уже тридцать лет на обширных территориях Земли происходят ожесточенные партизанские битвы. Они начались уже в 1927 году, перед второй мировой войной, в Китае и в других азиатских странах, которые позже защищались от японского вторжения 1932-1945 годов. Во время второй мировой войны ареной такого рода войн стали Россия, Польша, Балканы, Франция, Албания, Греция и другие территории. После Второй мировой войны партизанская борьба продолжилась в Индокитае, где она была особенно продуктивно организована против французской колониальной армии вьетнамским коммунистическим вождем Хо Ши Мином и победителем Dien Bien Phu, генералом Vo Nguyen Giap, далее в Малайе, на Филиппинах и в Алжире, на Кипре полковником Griwas, и на Кубе Фиделем Кастро и Че Геварой. В настоящее время, в 1962 году, индокитайские страны Лаос и Вьетнам являются территориями партизанской войны, которая ежедневно развивает новые методы победы над врагом и обмана врага. Современная техника поставляет все более мощные вооружения и средства уничтожения, все более совершенные средства передвижения и методы передачи информации, как для партизан, так и для регулярного войска, которое с партизанами борется. В дьявольском круге террора и анти-террора подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы, и все снова и снова оказывается правильным старый тезис, который большей частью цитируется как приказ Наполеона генералу Лефевру от 12 сентября 1813 года: с партизаном должно бороться партизанскими методами; *il faut operer en partisan partout ou il y a des partisans*.

Ниже необходимо будет остановиться на некоторых особых вопросах международно-правового юридического нормирования. Основное и так ясно; применение к конкретным ситуациям бурного развития спорно. В последние го-

ды появился впечатляющий документ воли к тотальному сопротивлению, не только воли, но и детального руководства для конкретного исполнения: швейцарское *руководство по ведению небольших войн для каждого* (*Klein-kriegsanleitung für jedermann*), изданное швейцарским союзом унтер-офицеров под названием *Тотальное сопротивление* и составленное капитаном Н. von Dach (2 изд., Biel, 1958). На более чем 180 страницах этот труд дает руководство по активному и пассивному сопротивлению чужому вторжению, с точными указаниями по саботажу, жизни в подполье, о том, как прятать оружие, по организации путчей, уходу от слежки и т. д. Тщательно использованы опыты последних десятилетий. Это современное руководство по ведению войн для каждого содержит указание, что его «сопротивление в высшей степени» придерживается Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше и четырех Гаагских соглашений 1949 года. *Это ясно само собой*. Также нетрудно вычислить, как будет реагировать нормальная регулярная армия на практическое использование той инструкции по ведению локальной войны (например, стр. 43: бесшумное убийство часового топором), пока она не чувствует себя побежденной.

Слово и понятие партизан

Краткое перечисление некоторых известных имен и событий, которым мы начали первое описание горизонта нашего рассмотрения, позволяет выявить безмерное богатство материала и проблематики. Поэтому необходимо уточнить некоторые признаки и критерии, чтобы обсуждение не стало абстрактным и безграничным. Один такой признак мы назвали в начале нашего изложения, когда исходили из того, что партизан является *нерегулярным* бойцом. Регулярный характер явления выражается в униформе солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональное одеяние, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с униформой солдат открыто и демонстративно носит оружие. Враждебный солдат в униформе – это настоящая мишень современного партизана.

В качестве следующего признака напрашивается сегодня интенсивная политическая ангажированность, которая характеризует партизана в отличие от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Этот понятийный критерий *политического* характера имеет (в точной инверсии) ту же структуру, что и у пирата перед лицом международно-правовых норм ведения войны на море. Понятие пират включает *неполитический* характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду. Пират обладает, как говорят юристы, *animus furandi*. Партизан воюет на политическом фронте, и именно политический характер его образа жизни снова возрождает первоначальный смысл слова *партизан*. Это слово происходит от слова

партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи.

Революционная война предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности современное государство уже не могут столь тотально интегрировать своих членов и подданных, как революционно борющаяся партия охватывает своих активных борцов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не *государство* как таковое, но революционная *партия* как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию. С точки зрения чисто организационной, в смысле строгого функционирования приказа и подчинения необходимо даже сказать, что иная революционная организация в этом отношении превосходит иное регулярное войско и что в международном праве войны должна возникнуть известная путаница, когда организацию как такую делают критерием регулярности, как это произошло в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года.

Партизан по-немецки именуется *Parteigänger* (партиец), тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена различается, как в отношении партии или фронта, с которым кто-то идет, так и в отношении его сопровождения (*Mitgehens*), примыкания (*Mitlaufens*), боевого товарищества (*Mitkämpfens*), и, возможно, товарищества по заключению (*Mitgefängengewerdens*). Существуют партии, ведущие войну, но есть и партии судебного процесса, партии парламентской демократии, партии мнений и партии акций и т.д. В романских языках слово можно употребить как существительное и как прилагательное: на французском языке говорят даже о *партизане* какого-то мнения; короче говоря, из общего, многозначного обозначения вдруг получается слово большой политической важности. Напрашивается лингвистическая параллель с таким общим словом, как *status*, которое вдруг может означать государство (*Staat*). В эпохи разложения, как в 17 веке во время Тридцатилетней войны, нерегулярный солдат сближается с разбойниками и бродягами; он воюет на свой страх и риск и становится персонажем плутовского романа, как испанский *Picaro Estebanillo Гонсалеса*, который участвовал в битве при Нёрдлингене (1635) и рассказывает об этом в стиле солдата Швейка. Об этом можно прочитать и у Гриммельсхаузена в Симплициусе Симплициссимусе, это можно увидеть на гравюрах и офортах Жака Калло. В 18 веке «*Parteigänger*» принадлежал к пандурам и гусарам и другим видам легких войск, которые как подвижные войска «по отдельности сражаются» и ведут так называемую малую войну, в противоположность медленной большой войне линейных войск. Здесь различие регулярного и нерегулярного мыслится чисто военно-технически и ни в коем случае не равнозначно оппозиции легальный-нелегальный в юридическом смысле международного права и государственного права. В случае современного партизана обе пары про-

тивоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются.

Подвижность, быстрота и ошеломляющее чередование нападения и отступления, одним словом: повышенная мобильность еще и сегодня – отличительная черта партизана, и этот признак даже еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации. Однако обе противоположности ликвидируются революционной войной, и возникают многочисленные полу- и парарегулярные группы и формирования. Борющийся с оружием в руках партизан всегда остаётся зависимым от сотрудничества с регулярной организацией. Очень настойчиво подчеркивает это боевой соратник Фиделя Кастро на Кубе, Эрнесто Че Гевара. Вследствие этого уже благодаря взаимодействию регулярного и нерегулярного получают некоторые промежуточные ступени. Это происходит и в тех случаях, когда никоим образом не революционное правительство призывает к защите национальной территории от чужого завоевателя. Народная война и малая война здесь переплетаются. В регламенте для подобных войск уже с 16 века существует обозначение *партизан*. Мы еще познакомимся с двумя важными примерами формального регламентирования народной войны и ландштурма, которые пытаются регламентировать герилью. С другой стороны и чужой завоеватель публикует инструкции о подавлении вражеских партизан. Все нормирования такого рода стоят перед сложной проблемой международно-правового, т.е. законного для обеих сторон регулирования нерегулярного, в отношении признания партизана участником войны и его рассмотрения в качестве военнопленного, и, с другой стороны, соблюдения прав военных оккупационных властей. Мы уже дали понять, что здесь возникают некоторые юридические разногласия. Мы ещё вернёмся к спору о «вольных стрелках» германо-французской войны 1870-1871 годов, после того, как окинем взором международно-правовое положение.

Тенденция изменения или же упразднения унаследованных понятий – классических понятий, как любят говорить сегодня – всеобща и перед лицом стремительного изменения мира тем более постижима. Не осталось в стороне от этой тенденции и «классическое» (если его можно так назвать) понятие партизана. В очень важной для нашей темы книге «Партизан» Рольфа Шроерса, вышедшей в 1961 году, нелегальный боец движения Сопротивления и активист подполья становится собственно типом партизана. Это такое преобразование понятия, которое ориентировано главным образом на определённые внутри-немецкие ситуации гитлеровской эпохи и именно как такое заслуживает внимания. Нерегулярность заменена нелегальностью, военная борьба – сопротивлением. Это означает, как мне кажется, далеко идущее перетолкование партизана национальных войн за независимость и недооценку того факта, что и революционизация войны поддерживает военную связь регулярной армии и нерегулярного бойца.

В некоторых случаях перетолкование доходит до всеобщего символа и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще о том, чтобы взять в руки оружие. Как метафора это вполне допустимо; я сам пользовался ею для характеристики духовно-исторических фигур и ситуаций. В переносном смысле «быть человеком – значит быть борцом», и последовательный индивидуалист борется самостоятельно и на свой страх и риск. Тогда он становится сам себе партией. Такого рода упразднения понятий являются заслуживающими внимания знаками времени, которые требуют отдельного исследования. Но для той теории партизана, каковая здесь имеется в виду, должны иметься некоторые критерии, чтобы тема не рассеялась в абстрактной универсальности. Таковыми критериями являются: нерегулярность, повышенная мобильность активного боя и повышенная, усиленная интенсивность политической ангажированности.

Я хотел бы придерживаться ещё одного, четвёртого признака настоящего партизана, признака, который Jover Zamora обозначил как *теллурический* характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если он отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техницистской идеологии. Вполне совпадают с этим критерием две особенно интересных для нас трактовки темы, книга Рольфа Шроерса (прим.13) и диссертация Jurg.H.Schmid о международно-правовом положении партизана. Его обоснование теллурического характера такого явления, как партизан кажется мне необходимым, чтобы в смысле положения в пространстве сделать очевидным оборону, т.е. ограничение вражды и предостереечь от абсолютного требования абстрактной справедливости.

В отношении партизан, которые в 1808/13 годах сражались в Испании, Тироле и в России, это и так ясно. Но и партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Дзэ-дуна, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остаётся вполне актуальной. Партизан остаётся отделённым не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделены земля и море как различные элементарные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море имеют не только различные способы ведения войны и не только различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях. Партизан будет представлять специфически земной, сухопутный тип активного борца по крайней мере так долго, сколько будут возможны антиколониальные войны на нашей планете. Теллурический характер партизана ниже будет более отчётливо очерчен в

сравнении с фигурами типично морскими в правовом отношении и в разборе пространственного аспекта.

Но и автохтонный партизан аграрного происхождения вовлекается в силовое поле неотразимого, технически-индустриального прогресса. Его мобильность настолько повышается благодаря моторизации, что он оказывается подвержен опасности полностью лишиться какой-либо почвы. Во времена холодной войны он становится техником невидимой борьбы, саботажником и шпионом. Уже во время Второй мировой войны имелись отряды диверсантов с партизанской выучкой. Такой моторизованный партизан утрачивает свой теллурический характер и является только транспортабельным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для явной или невидимой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает. Эта возможность также принадлежит его сегодняшней экзистенции и не должна остаться без внимания в теории партизана.

Этими четырьмя критериями – нерегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической ангажированности, теллурический характер – и со ссылкой на возможные последствия продолжающегося технизирования, индустриализирования и утраты аграрного характера мы, с понятийной точки зрения, описали горизонт нашего рассмотрения. Он простирается от Guerrillero наполеоновской эпохи до хорошо вооружённого партизана современности, от Empecinado через Мао Дэ-дуна и Хо Ши Мина к Фиделю Кастро. Это большая область, постоянно растущий материал по историографии и военной науке. Мы используем его, насколько он нам доступен, и попробуем получить некоторые научные выводы для теории партизана.

Взгляд на международно-правовое положение

Партизан воюет нерегулярным образом. Но некоторые категории нерегулярных бойцов уравниваются с регулярными вооружёнными силами и пользуются правами и преимуществами регулярных участников войны. Это означает: их боевые действия не являются противозаконными, и когда они попадают в плен к врагам, то имеют право требовать особого обращения как военнопленные и раненые. Правовой статус нашёл в Гаагском уставе сухопутной войны от 18 октября 1907 года обобщение, которое сегодня признано общепринятым. После Второй мировой войны эта материя получила развитие в четырёх Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года, из коих вторая регламентирует участь раненых и больных в сухопутной войне и в морской войне, третья – обращение с военнопленными, а четвёртая – защиту гражданских лиц во время войны. Их ратифицировали многие страны западного мира и восточного блока; с их формулировками согласован и новый американский военный справочник по праву сухопутной войны от 18 июля 1956 года.

Гаагский устав сухопутной войны от 18 октября 1907 года при определённых условиях уравнил милицию, добровольческие корпуса и боевых товарищей спонтанных народных возмущений с регулярными вооружёнными силами. Позже, при разборе прусских разногласий с партизанством, мы будем упоминать о некоторых трудностях и неясностях этого регулирования. Развитие, приведшее к Женевским конвенциям 1949 года, характеризуется тем, что оно признаёт всё дальше заходящие ослабления до сих пор чисто государственного, европейского международного права. Всё новые категории участников боевых действий считаются теперь участниками войны. И гражданские лица занятой войсками врага области – то есть, собственного района боевых действий партизана, борющегося в тылу вражеских армий, – пользуются теперь большей правовой защитой, чем согласно уставу сухопутной войны 1907 года. Много боевых товарищей, которые до сих пор считались партизанами, теперь уравниваются с регулярными бойцами и имеют их права и привилегии. Они, собственно говоря, не могут больше именоваться партизанами. Однако понятия ещё неясны и колеблются.

Формулировки Женевских конвенций учитывают европейский опыт, но не учитывают партизанские войны Мао Дзэ-дуна и позднейшее развитие современной партизанской войны. В первые годы после даты 1945 ещё не стало ясно то, что осознал и сформулировал такой знаток дела, как Hermann Foertsch: что военные акции после 1945 года приняли партизанский характер, поскольку обладатели атомной бомбы избегали её применения из гуманитарных соображений, а не обладающие ей могли рассчитывать на эти опасения – неожиданное влияние как атомной бомбы, так и гуманитарных соображений. Важные для проблемы партизана понятия Женевских нормирований абстрагированы от определённых ситуаций. Они являются (как говорится в авторитетном и крайне важном, составленном под руководством Jean S. Pictet комментарии *Internationales Roten Kreuzes*, Bd. 111, 1958, S.65) точной ссылкой *une reference precise* на движения сопротивления Второй мировой войны 1939/45.

Здесь не было намерения фундаментально изменить Гаагский устав сухопутной войны 1907 года. Здесь даже принципиально придерживаются четырёх классических условий для уравнивания с регулярными войсками (ответственные начальники, постоянный твёрдый видимый знак отличия, открытое ношение оружия, соблюдение правил и обычаев права войны). Конвенция о защите гражданского населения должна, правда, иметь силу не только для межгосударственных войн, но и для всех интернациональных вооружённых конфликтов, итак, и для гражданских войн, восстаний и т.д. Но тем самым нужно создать лишь правовое основание для гуманитарных интервенций Интернационального Комитета Красного Креста (и других непартийных организаций). *Inter arma caritas*. В ст.3 абзац 4 конвенции настоятельно подчёркивается, что правовое положение, *le statut juridique*, конфликтующих партий этим не затрагивается (Pictet, a.a.O., 111, 1955, S.39/40). В межгосудар-

ственной войне оккупационные власти занятой войсками области по-прежнему сохраняют за собой право давать указание местной полиции этой области поддерживать порядок и подавлять нерегулярные боевые действия, таким образом, преследовать и партизан, «независимо от того, какие идеи их вдохновляют» (Pictet IV, 1956, S. 330).

Таким образом, отличие партизана – в смысле нерегулярного, *не* приравненного к регулярным войскам борца – и сегодня принципиально сохраняется. Партизан в этом смысле *не* имеет прав и преимуществ участников войны; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен суммарными наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Jodl, Leeb, List), причем, само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде, остаются военными преступлениями.

Женевские конвенции расширяют круг лиц, приравненных к регулярным борцам прежде всего тем, что они уравнивают членов «организованного движения сопротивления» и сотрудников милиции и членов добровольческих корпусов и таким образом присваивают им права и преимущества регулярных участников войны. При этом не единожды военная организация недвусмысленно делается условием (ст. 13 конвенции о раненых, ст. 4 конвенции о военнопленных). Конвенция о защите гражданского населения приравнивает «интернациональные конфликты», которые решаются силой оружия к межгосударственным войнам классического европейского международного права, и затрагивает тем самым ядро типичного для прежнего права войны правового института, *occupatio bellica*. К таким расширениям и ослаблениям, которые здесь могут быть приведены лишь в качестве примеров, прибавляются важные превращения и изменения, которые сами собою следуют из развития современной военной техники и со ссылкой на партизанскую борьбу действуют ещё более интенсивно. Что означает, например, положение об «открытом ношении» оружия для борца сопротивления, которого наставляет выше цитированное «руководство по ведению партизанской войны» швейцарского союза унтер-офицеров (с. 33): «Передвигайся только по ночам и скрывайся днём в лесах!» Или что означает требование повсюду видимого знака отличия в ночном сражении или в сражении с применением дальнобойных орудий современной военной техники? Встаёт много подобных вопросов, когда рассмотрение ведётся с точки зрения проблемы партизана и когда не упускаются из виду ниже выявленные аспекты изменения пространства и технически-индустриального развития.

Защита гражданского населения в занятой военными области многообразна. Оккупационные власти заинтересованы в том, чтобы в занятой их военными

области царил покой и порядок. Придерживаются того, что население занятой области обязывается не то чтобы быть верным, но, пожалуй, обязано повиноваться допустимым по праву войны распоряжениям оккупационных властей. Даже служащие – и сама полиция – должны корректно продолжать работать и соответственно этому с ними должны обращаться оккупационные власти. Всё это – с большим трудом уравновешенный, трудный компромисс между интересами оккупационных властей и интересами их военного противника. Партизан опасным образом нарушает этот вид порядка в занятой области. Не только потому, что его настоящий район боевых действий есть область в тылу вражеского фронта, где он выводит из строя транспорт и снабжение, но и, кроме того, если население этой области более или менее поддерживает и прячет его. «Население твой самый большой друг» – значит-ся в только что цитированном «Руководстве по ведению партизанской войны для каждого» (с. 28). Тогда защита такого населения потенциально является и защитой партизана. Так становится ясно то, почему в истории развития права войны при обсуждениях Гаагского устава сухопутной войны и его дальнейшего развития всё время происходило типичное группирование, расстановка сил: большие военные державы, то есть потенциальные оккупационные власти, требовали строгого обеспечения порядка в занятой войсками области, в то время, как меньшие государства, опасавшиеся военной оккупации – Бельгия, Швейцария, Люксембург – пытались добиться, возможно, более полной защиты борцов сопротивления и гражданского населения. И в этом отношении развитие со времен Второй мировой войны привело к новым научным выводам, и ниже выявленный аспект разрушения социальных структур настоятельно предполагает вопрос о том, могут ли иметься и такие случаи, при которых население испытывает нужду в защите от партизана.

Благодаря Женевским конвенциям 1949 года внутри классического, точно урегулированного и регламентированного правового института *occupatio bellica* произошли изменения, последствия которых во многом остаются непредвиденными. Борцы сопротивления, которых раньше трактовали как партизан, уравниваются с регулярными бойцами, если только они *организованы*. В противоположность интересам оккупационных властей интересы населения занятой области так сильно подчёркиваются, что – по крайней мере, в теории – стало возможным рассматривать любое сопротивление оккупационным властям, в том числе, партизанское сопротивление, если только оно возникает из достойных уважения мотивов, как *не иллегальное*. С другой стороны, оккупационные власти должны по-прежнему иметь право на репрессивные меры. Партизан в этой ситуации не будет действовать по-настоящему легально, но и не будет действовать по-настоящему нелегально, но будет действовать на свой страх и риск, и в этом смысле будет действовать *рискованно*.

Когда употребляют слово *риск* и *рискованно* во всеобщем, не уточнённом смысле, тогда необходимо установить, что в занятой военными врага и

насыщенной партизанами области рискованно живёт ни в коем случае не только партизан. Во всеобщем смысле ненадёжности и опасности всё население такой области подвергается большому риску. Служащих, которые соответственно Гаагскому уставу сухопутной войны желают корректно продолжать работать, настигает дополнительный риск в смысле действий и бездействий, и в особенности служащий полиции оказывается в точке пересечения опасных, друг другу противоречащих требований: вражеские оккупационные власти требуют от него повиновения при поддержании безопасности и порядка, которые нарушаются как раз партизаном; собственное национальное государство требует от него верности и после войны привлечёт его к ответственности; население, к которому он принадлежит, ожидает лояльности и солидарности, которая, имея в виду деятельность полицейского служащего, может привести к совершенно противоположным практическим выводам, если полицейский служащий не решится на то, чтобы самому стать партизаном; и, наконец, партизан и оккупант быстро зачислят его в дьявольский круг их репрессий и анти-репрессий. Говоря абстрактно, рискованные действия (или бездействие) не является специфическим признаком партизана.

Слово *рискованно* приобретает уточнённый смысл благодаря тому, что рискованно действующий [субъект] действует на свой страх и риск и осознанно смиряется со скверными последствиями своего действия или бездействия, так что он не может жаловаться на несправедливость, если его настигают скверные результаты. С другой стороны он имеет возможность – насколько речь не идёт о противозаконных действиях – компенсировать риск тем, что он заключает договор страхования. Юридической родиной понятия *риск*, его научно-правовым *топосом* остаётся страховое право. Человек живёт среди разнообразных опасностей, а дать опасности с юридическим сознанием название *риск* означает сделать её и затронутого ей *застрахованным*. В случае партизана это, вероятно, привело бы к провалу нерегулярности и нелегальности его действий, даже если бы были готовы к тому, чтобы в техностраховочном смысле защитить его от слишком большого риска зачислением в наивысший класс опасности.

Размышление над понятием риска необходимо для таких ситуаций, как война и вражда. У нас это слово введено в международно-правовое учение о войне в книге Josef L. Kunz «Kriegsrecht und Neutralitätsrecht» (1935, S.146, 274). Но там это слово не относится к войне на суше и совсем не относится к партизану. Эти вещи вообще не упоминаются в книге. Если мы не будем вспоминать о страховом праве как о юридической родине понятия *риск* и забудем неточные и нечёткие употребления этого слова – напр., сравнение с убежавшим пленным, который «рискует» быть застреленным – то обнаружится, что специфически плодотворное в смысле права войны употребление понятия «рискованно» у J. Kunz имеет в виду только морское право войны и типичные для него фигуры и ситуации. Война на море в большой мере экономическая война; в противоположность войне на суше у неё своё собственное

пространство и свои собственные понятия о враге и трофеях. Даже улучшение участи раненых в Женевском регулировании августа 1949 года привело к двум, отдельным для земли и моря, конвенциям.

Рискованно в таком специфическом смысле действуют два участника войны на море: нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Со ссылкой на них слово *рискованно* является чётким и точным. Оба рода участников войны пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое приключение» (J. Kunz a.a.O., S. 277): они рискуют судном и грузом в случае захвата. При этом они не имеют врага, даже если они сами рассматриваются как враг в смысле международно-правовых норм ведения войны на море. Их социальный идеал – это хороший гешефт. Их поле деятельности – это свободное море. Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика, что относится к прообразу автохтонного партизана. Они заключают также договоры страхования, чтобы компенсировать свой риск, причём тарифы опасности соответственно высоки и приспособляются к меняющимся факторам риска, напр., к затоплению подводной лодкой: очень рискованно, но надёжно и дорого застраховано.

Не должно изымать такое удачное слово как *рискованно* из понятийного поля морского права войны и растворять его в стирающем все чёткие очертания общем понятии. Для нас, настаивающих на теллурическом характере партизана, это особенно важно. Если раньше я однажды назвал мародёров и пенителей моря начала капитализма «партизанами моря» (Der Nomos der Erde, S.145), то сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и провозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, как любой регулярный участник войны. Он знает, и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, вне закона и вне понятия чести.

Это, конечно, делает и революционный борец, который объявляет врага преступником и все понятия врага о праве, законе и чести объявляет идеологическим обманом. Вопреки всем, характерным для Второй мировой войны и послевоенного времени вплоть до сегодняшнего дня соединениям и смешениям обоих видов партизана – оборонительно-автохтонного защитника родины и агрессивного в мировом масштабе, революционного активиста – противоположность сохраняется. Она покоится, как мы увидим, на фундаментально различных понятиях о войне и вражде, которые реализуются в различных видах партизан. Там, где война ведётся с обеих сторон как недискриминационная война одного государства с другим, партизан является периферийной фигурой, которая не взрывает границы войны и не изменяет общую структуру политического процесса. Однако если война ведётся с криминализациями военного противника в целом, если война ведётся, например, как гражданская война классового врага с классовым врагом, если её главная цель – свержение правительства враждебного государства, тогда рево-

люционное действие взрыва криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится истинным героем войны. Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика войны *justa causa* без признания *justus hostis*. Благодаря ней революционный партизан становится подлинной центральной фигурой войны.

Однако проблема партизана становится лучшим пробным камнем. Различные виды партизанской войны могут так смешиваться и сливаться в практике сегодняшнего ведения войны, они остаются настолько различными в своих фундаментальных предпосылках, что применительно к ним оправдывает себя критерий группирования на друзей и врагов. Ранее мы напомнили о типичном группировании, которое явствовало при подготовке Гаагского устава сухопутной войны: большие военные державы против маленьких нейтральных стран. При обсуждениях Женевских конвенций 1949 года с большим трудом была достигнута компромиссная формула, уравнивающая организованное движение сопротивления и добровольческий корпус. И здесь повторилось типичное группирование, когда речь шла о том, чтобы закрепить опыт Второй мировой войны в международно-правовых нормах. И в этот раз большие военные державы, потенциальные оккупанты, противостояли маленьким, опасаящимся оккупации государствам; однако в этот раз со столь же необычной, сколь и симптоматичной модификацией: самая большая сухопутная, континентальная держава мира, самый сильный потенциальный оккупант, Советский Союз, был теперь на стороне маленьких государств.

Богатая материалами и хорошо обоснованная документами работа Jurg H. Schmid «Die völkerrechtliche Stellung der Partisanen im Kriege» (Zürcher Studien zum Internationalen Recht Nr.23, Polygraphischer Verlag AG. Zürich, 1956) хочет поставить «под вывеску права» «Ведение герильи гражданскими лицами» – при этом имеются в виду конкретно партизаны Сталина (S.97,157). В этом Schmid видит «квинтэссенцию проблемы партизана» и правовое творческое достижение Женевских конвенций. Schmid хотел бы устранить «определённые раздумья права оккупации», ещё оставшиеся от прежнего понимания оккупационной власти, в особенности, как он говорит, «воспетую обязанность выполнять приказ». Для этой цели он использует учение о легальных, но рискованных военных действиях, которые он по-новому акцентирует как рискованные, но не-иллегальные военные действия. Так он уменьшает риск партизана, которому он за счёт оккупационных властей присуждает возможно больше прав и привилегий. Как он думает избежать логики террора и антитеррора, я не вижу; дело обстоит так, что он просто криминализирует военного врага партизана. Всё это в целом – в высшей степени интересное пересечение двух различных *statuts juridiques*, именно участника войны и гражданского лица, с двумя различными видами современной войны, именно открытой и холодной войны между населением и оккупационными властями, в которой партизан Schmid`а (следуя Мао) принимает участие *a deux mains*.

Удивительно только, и здесь заключается истинная поломка оси понятия, что эта де-илегализация сталинского партизана за счёт классического международного права одновременно связывается с возвратом к чистой войне государств Portalis-доктрины Руссо, о которой Schmid утверждает, что она только «в своей детской обуви» запрещала гражданскому лицу совершение военных действий (S.157). Так партизан становится застрахованным.

Четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 года являются плодом гуманного образа мыслей и гуманного развития, которое заслуживает восхищения. Присваивая и врагу не только человечность, но даже законность в смысле признания, они остаются на основе классического международного права и в русле его традиции, причём такое произведение гуманности не является невероятным. Их базисом остаётся государственное ведение войны и построенное на этом оберегание войны, с его ясными различиями войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, войны государств и гражданской войны. Однако давая ослабеть этим существенным различиям или даже ставя их под вопрос, они открывают дверь для такого рода войны, которая осознанно разрушает те ясные отделения одного от другого. Тогда иное осторожно стилизованное компромиссное нормирование предстаёт лишь тонким мостиком над бездной, которая скрывает в себе чреватое большими последствиями преобразование понятий о войне, о враге и о партизане.

Аспекты и понятия последней стадии

Мы пытаемся различить в подобной, типичной для современной партизанской войны ситуации четыре разных аспекта, чтобы приобрести некоторые ясные понятия: аспект пространства, потом разрушение социальных структур, далее переплетение во всемирно-политических контекстах, и, наконец, технически-индустриальный аспект. Эта последовательность относительна и её можно изменить. Само собой понятно, что в конкретной действительности представлены не четыре друг от друга независимых области, которые можно изолировать, но только их интенсивные взаимодействия, их взаимные функциональные зависимости выявляют общую картину, так что любой разбор одного аспекта одновременно всегда содержит ссылки и импликации трёх других аспектов и наконец все они выливаются в силовое поле технически-индустриального развития.

Аспект пространства

Совершенно независимо от доброй или злой воли людей, от мирных или воинственных надобностей и целей, каждое возрастание человеческой техники продуцирует новые пространства и необозримые изменения унаследованных структур пространства. Это действительно не только для внешних, бросаю-

щихся в глаза увеличений пространства космонавтики, но и для наших старых земных пространств обитания, работы, культа и пространства свободы действий. Тезис «жилище неприкосновенно» вызывает сегодня, в эпоху электрического освещения, газопроводов, телефона, радио и телевидения, совершенно иной тип оберегания чем во времена King John (короля Иоанна Безземельного) и Magna Charta (Великой хартии вольностей) 1215 года, когда хозяин замка мог поднять подъёмный мост. О техническое возрастание человеческой эффективности ломаются целые системы норм как, например, морское право войны 19 века. Из не имеющего владельца морского дна всплывает пространство, которое находится у побережья, так называемый континентальный шельф, как новое пространство действия человека. В не имеющих владельца глубинах Тихого океана возникают бункеры для радиоактивных отходов. Индустриально-технический прогресс вместе со структурами пространства изменяет и порядки пространства. Ибо право есть единство порядка и местоположения, а проблема партизана есть проблема отношения регулярной и нерегулярной борьбы.

Современный солдат может быть настроен относительно своей личности прогрессивно-оптимистически или – пессимистически. Для нашей проблемы это не так важно. В военно-техническом отношении любой генштабист мыслит непосредственно практически и осмысленно-рационально. По сравнению с этим, исходя из войны, аспект пространства близок ему и теоретически. Структурное различие так называемого театра военных действий в сухопутной войне и в войне на море – старая тема. Воздушное пространство добавилось как новое измерение со времён Первой мировой войны, благодаря чему вместе с тем изменились прежние *места действия (Schauplatze)* земли и моря в их структуре пространства. В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны фронтов. Он скорее заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра военных действий другое, более тёмное измерение, измерение глубины, в котором носимая на показ униформа становится смертельно опасной. Таким образом, он поставляет в области земного неожиданную, но поэтому не менее эффективную аналогию с подводной лодкой, которая точно также добавляла неожиданное измерение глубины к поверхности моря, на которой разыгрывалась морская война старого стиля. Он из подполья мешает обычной, регулярной игре на открытой сцене. Он, исходя из своей нерегулярности, изменяет измерения не только тактических, но и стратегических операций регулярных армий. Относительно малые группы партизан могут, благодаря использованию почвенных условий, связывать большие массы регулярных войск. Ранее мы упоминали «Paradox» на примере Алжира. Это уже ясно познал и точно описал Клаузевиц в уже цитированном высказывании, когда он говорит, что малое количество партизан, в чьей власти некоторое пространство, могут претендовать на «название армии».

Конкретной ясности понятия служит то, что мы придерживаемся теллурически-земного характера партизана и не называем (и даже не определяем) его в качестве корсара земли. Нерегулярность пирата никак не связана ни с какой регулярностью. Напротив, корсар добывает на море военные трофеи и снабжён «письмом» правительства государства; его тип нерегулярности как-то связан с регулярностью, и так он мог быть юридически признанной фигурой европейского международного права до Парижского мира 1856 года. В этом отношении обоих, корсара морской войны и партизана сухопутной войны, можно сравнивать. Сильная похожесть и даже тождественность проявляется, прежде всего, в том, что тезис «С партизанами борются только партизанским способом» и другой тезис *a corsaire corsaire et demi* в основе означают одно и то же. Однако сегодняшний партизан – это нечто иное, чем корсар сухопутной войны. Для этого элементарная противоположность земли и моря остаётся слишком большой. Может быть, что унаследованные различия войны, врага и трофеев, которые доныне основывали международно-правовую противоположность земли и моря, однажды просто расплавятся в тигле индустриально-технического прогресса. Пока что партизан означает всё ещё часть настоящей почвы; он является одним из последних постов земли как ещё не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихии.

Уже испанская герилья против Наполеона полностью раскрывается только в важном аспекте пространства этой противоположности земли и моря. Англия поддерживала испанских партизан. Морская держава пользовалась для своих больших военных предприятий нерегулярным борцом сухопутной войны, чтобы победить континентального врага. В конце концов, Наполеона заставила сложить оружие не Англия, но сухопутные державы Испания, Россия, Пруссия и Австрия. Нерегулярный, типично теллурический вид партизанской борьбы поступил на службу типично морской мировой политики, которая со своей стороны безжалостно дисквалифицировала и криминализировала любую нерегулярность на море в области права морской войны. В противоположности земли и моря конкретизируются различные виды нерегулярности, и только если мы имеем в виду конкретную особенность, обозначенные словами *земля* и *море* аспекты пространства в специфических формах их образования как понятий, только тогда аналогии позволены и плодотворны. Это действительно в первую очередь для аналогии, которая важна для нас здесь для познания аспекта пространства. А именно: аналогичным образом, как морская держава Англия в своей войне против континентальной Франции пользовалась коренным испанским партизаном, который изменял место действия сухопутной войны благодаря нерегулярному пространству; позже, во время Первой мировой войны, сухопутная держава Германия пользовалась в своей войне с морской державой Англией подводной лодкой как таким оружием, которое добавляло к прежнему пространству ведения войны на море неожиданное другое пространство. Тогдашние хозяева поверхности моря сразу же попытались дискриминировать новый вид борьбы как нерегулярное, даже преступное и пиратское средство борьбы. Сегодня, в эпоху под-

водных лодок с атомными ракетами каждый видит, что и то, и другое – возмущение Наполеона испанским Guerrillero и возмущение Англии по поводу немецкой подводной лодки – лежало в одной и той же плоскости, а именно в плоскости возмущения малоценного мнения перед лицом непросчитываемых изменений пространства.

Разрушение социальных структур

Чудовищный пример разрушения социальных структур пережили французы в 1946-1956 годах в Индокитае, когда их тамошнее колониальное господство окончилось крахом. Мы уже упоминали организацию партизанской борьбы Хо Ши Мином во Вьетнаме и Лаосе. Здесь коммунисты поставили себе на службу и неполитическое гражданское население. Они руководили даже домашними слугами французских офицеров и служащих и подсобными рабочими французской службы тыла. Они взыскивали с гражданского населения налоги и совершали всякого вида террористические акты, чтобы побудить французов к анти-террору против местного населения, благодаря чему его ненависть к французам ещё более возбуждалась. Короче говоря, современная форма революционной войны ведёт ко многим новым нетрадиционным средствам и методам, чьё описание по отдельности взорвало бы рамки нашего изображения. Общество существует как *res publica*, как общественность, и оно ставится под вопрос, если в нём образуется пространство не-общественности, которое действительно дезавуирует эту общественность. Быть может, этого указания будет достаточно, чтобы осознать, что партизан, которого оттеснило профессионально военное сознание 19 века, вдруг оказался в центре нового вида ведения войны, чей смысл и чья цель была в разрушении наличного социального порядка.

В изменившейся практике взятия заложников это становится осязаемо видимым. В немецко-французской войне 1870/71 годов немецкие войска, в целях своей защиты от франтирёров, брали знать населённого пункта в качестве заложников: бургомистр, священник, врачи и нотариусы. Почтение к таким уважаемым людям и к знати могло быть использовано для того, чтобы оказывать давление на всё население, поскольку социальный авторитет подобных типично буржуазных слоёв общества был практически вне сомнения. Именно этот буржуазный класс становится в революционной гражданской войне коммунизма подлинным врагом. Тот, кто использует таких уважаемых людей в качестве заложников, работает, судя по ситуации, на коммунистическую сторону. Для коммуниста подобного рода взятия заложников могут быть настолько целесообразны, что он их, если нужно, провоцирует – или для уничтожения определённого буржуазного слоя общества, или для привлечения его на коммунистическую сторону. В уже названной книге о партизане эта новая действительность хорошо познана. В партизанской войне, говорится там, действительное взятие заложников возможно только по отношению к

самим партизанам или к их ближайшим соратникам. Иначе будут создавать только новых партизан. Наоборот, для партизан каждый солдат регулярной армии, каждый носитель униформы является заложником. «Каждый человек в униформе, – говорит Рольф Шроерс, – должен чувствовать угрозу, и тем самым под угрозой должно быть всё, что униформа представляет как девиз».

Нужно лишь до конца продумать эту логику террора и антитеррора и потом перенести её на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть разрушение социальных структур, которое сегодня в действии. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора прибавляются дальнейшие пространства ненадёжности, страха и всеобщего недоверия, «ландшафт измены», которое представила Margret Boveri в ряде из четырёх захватывающих книг. Все народы европейского континента – с парой маленьких исключений – испытали это на собственной шкуре в течение двух мировых войн и двух послевоенных эпох как новую действительность.

Всемирно-политический контекст

Точно так же наш третий аспект, переплетение во всемирно-политических фронтах и контекстах, давно овладел всеобщим сознанием. Автохтонные защитники родной почвы, которые умирали *pro aris et focis*, национальные и патриотические герои, уходившие в лес, всё, что было реакцией стихийной, теллурической силы против чужого вторжения, между тем попало под интернациональное и наднациональное центральное управление, которое помогает и поддерживает, но только в интересах совершенно иного рода всемирно-агрессивных целей, и которое, сообразно с обстоятельствами, защищает или бросает на произвол судьбы. Тогда партизан утрачивает свой существенно оборонительный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего того, за что он поднимался на борьбу и в чём был укоренён теллурический характер, легитимность его партизанской нерегулярности.

Каким-то образом партизан как нерегулярный боец всегда зависим от помощи регулярного могущества. Этот аспект дела всегда наличествует и также осознаётся. Испанский *Guerrillero* обретал свою легитимность в своей обороне и в своём согласии с королевской властью и с нацией; он защищал родную почву от чужого завоевателя. Но Веллингтон также относится к испанской герилье, и борьба против Наполеона велась при помощи Англии. Полный ярости, Наполеон часто вспоминал о том, что Англия была настоящим подстрекателем и собственно тем, кто извлекал пользу из испанской партизанской войны. Сегодня связь осознаётся ещё более отчётливо, поскольку непрерывное усиление технических боевых средств делает партизана зависимым от постоянной помощи союзника, который обладает технически-

индустриальными ресурсами, чтобы развивать и обеспечивать партизана новейшим оружием и новейшими машинами.

Если многие заинтересованные третьи лица конкурируют друг с другом, партизан обладает свободным пространством для собственной политики. Таково было положение Тито в последние годы мировой войны. В партизанских битвах, которые разыгрывались во Вьетнаме и Лаосе, ситуация осложняется тем, что внутри самого коммунизма стало актуальным противоречие русской и китайской политики. При поддержке Пекина можно было забросить больше партизан через Лаос в Северный Вьетнам; это было бы более сильной помощью вьетнамскому коммунизму, чем поддержка Москвы. Вождь освободительной войны против Франции, Хо Ши Мин, был сторонником Москвы. Более сильная помощь решит исход дела, будь то выбор между Москвой и Пекином или другие альтернативы в создавшемся положении.

Для подобных интенсивно-политических связей выше цитированная книга о партизане Рольфа Шроерса находит меткую формулу; там говорится о *заинтересованном третьем лице*. Это удачное выражение. Ибо это заинтересованное третье лицо здесь не какая-то банальная фигура, как третий смеющийся из поговорки. Оно скорее существенно относится к ситуации партизана и поэтому и к теории партизана. Могущественный третий предоставляет не только оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты, он создаёт и род политического признания, в котором нуждается нерегулярно борющийся партизан, чтобы не опуститься, как разбойник и как пират, в Неполитическое, это значит здесь: в криминальное. С расчётом на далёкое будущее нерегулярное должно получить легитимность в регулярном; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличествующего регулярного, или осуществление новой регулярности собственными силами. Это жестокая альтернатива.

В той мере, в какой партизан моторизируется, он теряет свою почву и растёт его зависимость от технически-индустриальных средств, в которых он нуждается для своей борьбы. Тем самым растёт также власть заинтересованного третьего, так что она, в конце концов, достигает планетарного масштаба. Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, кажется, тем самым растворяются во всё покоряющем техническом аспекте.

Технический аспект

И партизан не остаётся в стороне от развития, прогресса, от современной техники и свойственной ей науке. Старый партизан, в руки которому прусский эдикт о ландштурме 1813 года хотел вложить вилы для сена, сегодня кажется смешным. Современный партизан сражается при помощи автоматов, ручных гранат, пластиковых бомб, и, вероятно, скоро с помощью тактического атомного оружия. Он моторизован и связан с информационной сетью,

оснащён тайными радиопередатчиками и радарам. Он снабжается самолётами оружием и продовольствием. Но его, как сегодня, в 1962 году, во Вьетнаме, подавляют вертолётами и блокируют. Как он сам, так и его враги не отстают от стремительного развития современной техники и свойственного ей вида науки.

Один английский специалист в области военно-морских сил назвал пиратство «донаучной стадией» войны на море. В этом же духе он должен был бы определить партизана как донаучную стадию ведения войны на суше, и объявить это единственно научной дефиницией. Но и это его определение сразу опять научно устаревает, ибо различие между войной на море и войной на суше само попадает в вихрь технического прогресса и сегодня представляется техникам уже как нечто донаучное, то есть исчерпанное. Мертвецы скачут быстро, а если они моторизованы, они движутся ещё быстрее. Партизан, чьего теллурического характера мы придерживаемся, в любом случае становится скандалом для каждого преследующего рациональные цели и ценностно-рационально мыслящего человека. Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие: индустриально-техническое придание вооружению современной регулярной армии вида совершенства и доиндустриальная аграрная примитивность успешно борющихся партизан. Это уже вызывало припадки бешенства у Наполеона в связи с испанским Guerillero и должно было ещё соответственно усилиться с поступательным развитием индустриальной техники.

Пока партизан был только «лёгким отрядом», тактически особенно мобильным гусаром или стрелком, его теория была делом военно-научной специальности. Только революционная война сделала его ключевой фигурой мировой истории. Но что получится из него в эпоху атомных средств уничтожения? В технически насквозь организованном мире исчезают старые, феодально-аграрные формы и представления о борьбе, о войне и о вражде. Это очевидно. Исчезают ли поэтому вообще и борьба, война и вражда и умалются ли они до социальных конфликтов? Когда без остатка осуществлена внутренняя, по оптимистическому мнению имманентная рациональность и регулярность технически насквозь организованного мира, тогда партизан, быть может, уже не является нарушителем спокойствия. Тогда он просто исчезает сам собою в бесперебойном выполнении технически-функциональных процессов, не иначе, чем исчезает собака с автострады. Для технически настроенной фантазии он тогда едва ли ещё является полицейски-транспортной проблемой, и, впрочем, не является ни философской, ни моральной или юридической проблемой.

Это был бы один, а именно технико-оптимистический аспект чисто технического рассмотрения. Он ожидает Нового Мира с Новым Человеком. С подобными ожиданиями, как известно, выступило уже раннее христианство, а два тысячелетия позже, в 19 веке, социализм выступил как Новое христианство.

У обоих явлений отсутствовало всё уничтожающее efficiency современных технических средств. Но из чистой техники проистекает, как всегда у таких чисто технических рефлексий, не теория партизана, а только оптимистический или пессимистический ряд плюровалентных полаганий ценности или отсутствия ценности. Ценность, как метко говорит Эрнст Форстхоф, имеет «свою собственную логику». Это именно логика отсутствия ценности и уничтожения носителя этого отсутствия ценности.

Что касается прогнозов широко распространённого техницистского оптимизма, то он не лезет в карман за словом, то есть за ему очевидным полаганием ценности и отсутствия ценности. Он верит в то, что неудержимое, индустриально-техническое развитие человечества само собою переведёт на полностью новый уровень все проблемы, все прежние вопросы и ответы, все прежние типы и ситуации. На этом уровне старые вопросы, типы и ситуации будут практически столь же неважны, как вопросы, типы и ситуации каменного века после перехода к более высокой культуре. Тогда партизаны вымрут, как вымерли охотники каменного века, если им не удастся выжить и ассимилироваться. В любом случае они стали безвредными и неважными.

Но как удастся человеческому типу, который прежде поставлял партизана, приспособиться к технико-индустриальному окружающему миру, воспользоваться новыми средствами и развить новый, приспособленный вид партизан, скажем индустриальных партизан? Есть ли гарантия того, что современные средства уничтожения всегда будут попадать в верные руки и что нерегулярная борьба будет невообразимой? В противоположность тому оптимизму прогресса у пессимизма прогресса и у его технических фантазий остаётся большее, чем сегодня обычно думают, поле возможностей. В тени сегодняшнего атомного равновесия мировых держав, под стеклянным колпаком, так сказать, их громадных средств уничтожения, могло бы выделиться свободное пространство ограниченной и оберегаемой войны, с обычным оружием и даже со средствами уничтожения, о дозировании которых мировые державы могли бы открыто или тайно договориться. Это бы могло дать в итоге войну, контролируруемую одной из этих мировых держав и было бы чем-то подобным dogfight. Это было бы по видимости невинной игрой, точно контролируемой нерегулярности и «идеального беспорядка», идеального в той мере, в какой им могли бы манипулировать мировые державы.

Наряду с этим существует, однако, и радикально-пессимистическое tabularasa-решение технической фантазии. В обработанной современными средствами уничтожения области, конечно, всё будет убито, друг и враг, регулярный солдат и нерегулярное население. Тем не менее, технически можно помыслить, что некоторые люди переживут ночь бомб и ракет. Перед лицом этой возможности было бы практически и даже рационально целесообразно, вместе запланировать ситуацию после бомбёжек и уже сегодня подготовить людей, которые в бомбами разорённой зоне сразу же займут воронки от бомб

и оккупируют разрушенную область. Тогда новый вид партизана мог бы добавить к мировой истории новую главу с новым видом взятия пространства.

Так наша проблема расширяется до планетарных размеров. Она даже вырастает до над-планетарного. Технический прогресс делает возможным полёт в пространства космоса, и тем самым попутно открываются неизмеримые, новые вызовы для политических завоеваний. Ибо новые пространства могут и должны быть взяты людьми. За взятиями суши и моря старого стиля, как их знает прежняя история человечества, последуют взятия пространства нового стиля. Однако за *взятием* следуют *деление* и *использование*. В этом отношении, несмотря на весь прочий прогресс, всё остаётся по-старому. Технический прогресс вызовет лишь новую интенсивность нового взятия, деления и использования и только ещё усилит старые вопросы.

При сегодняшнем противоречии Востока и Запада, и особенно в гигантском состязании за неизмеримо большие новые пространства, прежде всего речь идет о политической власти на нашей планете, как бы мала она между тем не показалась. Только тот, кто владеет ставшей будто бы такой крошечной Землёй, будет брать и использовать новые пространства. Вследствие этого и эти неизмеримые области являются ничем иным как потенциальными пространствами борьбы, а именно борьбы за господство на этой Земле. Знаменитые астронавты или космонавты, которые до сих пор были назначаемы только пропагандистскими звёздными величинами масс-медиа, прессы, радио и телевидения, тогда будут иметь шанс превратиться в космопиратов и, быть может, даже и в космопартизан.

Легальность и легитимность

В развитии партизанства нам встретилась фигура генерала Салана как показательное, симптоматическое явление последней стадии. В этой фигуре встречаются и пересекаются опыты и воздействия войны регулярных армий, колониальной войны, гражданской войны и партизанской борьбы. Салан до конца продумал все эти опыты, следуя неизбежной логике старого тезиса, что партизана можно побороть только партизанским образом. Это он последовательно делал, не только с мужеством солдата, но и с точностью офицера генерального штаба и пунктуальностью технократа. Результатом было то, что он сам превратился в партизана и, в конце концов, провозгласил гражданскую войну своим собственным верховным главнокомандующим и своим правительством.

Что является внутренним средоточием такой судьбы? Главный защитник Салана, Maitre Tixier-Vignancourt, в своей большой заключительной речи перед судом от 23 мая 1962 года нашёл формулировку, в которой содержится ответ на наш вопрос. Он замечает о деятельности Салана как шефа OAS: я должен констатировать, что старый воинствующий коммунист, если бы он вместо

главного военного шефа стоял во главе организации, предпринял бы иные действия, чем генерал Салан (S. 530 отчёта о процессе). Тем самым угадан решающий пункт: профессиональный революционер делал бы это иначе. Он занимал бы иную позицию, чем Салан не только применительно к заинтересованному третьему лицу.

Развитие теории партизана от Клаузевица через Ленина к Мао двигалось вперёд путём диалектики регулярного и нерегулярного, кадрового офицера и профессионального революционера. Посредством доктрины психологической войны, которую французские офицеры – участники войны в Индокитае – переняли от Мао, развитие не возвращалось в роде *ricorso* к началу и к истокам. Здесь нет никакого возврата к началу. Партизан может надеть униформу и превратиться в хорошего регулярного бойца, даже в особенно храброго регулярного бойца, быть может, подобно тому, как о браконьере говорят, что он представляет собой особенно умелого лесного сторожа. Но всё это помыслено абстрактно. Переработка учения Мао теми французскими кадровыми офицерами на деле содержит в себе нечто абстрактное и, как это однажды было сказано в ходе процесса над Саланом, имеет нечто от *esprit geometrique*.

Партизан способен легко превратиться в хорошего носителя униформы; напротив, для хорошего кадрового офицера униформа – это нечто большее, чем костюм. Регулярное может стать институциональной профессией, нерегулярное не может. Кадровый офицер способен превратиться в великого основателя ордена, как святой Игнатий Лойола. Превращение в до- или субтрадиционное означает нечто иное. В темноте можно исчезнуть, но превратить темноту в район боевых действий, исходя из которого прежняя арена империи разрушается и вынимается из сети большая сцена официальной публичности, – этого не организуешь с технократической интеллигенцией. Ахеронт невозможно просчитать заранее, и он следует не каждому заклинанию, пусть оно исходит от такой умной головы и пусть она находится в такой отчаянной ситуации.

В нашу задачу не входит высчитывать, что вычисляли интеллигентные и опытные военные времён путча в Алжире апреля 1961 года и организаторы OAS со ссылкой на некоторые для них весьма естественные конкретные вопросы, особенно относительно действия террористических актов против цивилизованного европейского населения или относительно выше упоминавшегося *заинтересованного третьего*. Уже этот последний вопрос достаточно многозначителен как вопрос. Мы напомнили о том, что партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет упасть в сферу криминального. Вопрос не исчерпывается некоторыми ставшими сегодня обычными дешёвыми и несерьёзными антитезами легальности и легитимности. Ибо легальность оказывается именно в этом случае самой сильной законностью – тем, чем она первоначально собственно была для

республиканца, а именно рациональной, прогрессивной, единственно современной, одним словом: высшей формой самой легитимности.

Я не хотел бы повторять то, что я уже больше тридцати лет назад сказал на эту всё ещё актуальную тему. Ссылка на это принадлежит к познанию ситуации республиканского генерала Салана в 1958/61 годах. Французская республика — это режим господства закона; это её фундамент, когда её невозможно разрушить противопоставлением права и закона и отличием права как более высокой инстанции. Как юстиция, так и армия стоят выше закона. Имеется республиканская легальность, и именно это является в республике единственной формой легитимности. Всё остальное является для настоящего республиканца враждебным республике софизмом. Представитель общественного обвинения на процессе Салана соответственно этому имел простую и ясную позицию; он всё снова и снова ссылался на «суверенитет закона», который остаётся превосходящим любую другую мыслимую инстанцию или норму. По сравнению с этим суверенитетом закона не существует суверенитета права. Он превращает нерегулярность партизана в смертельную нелегальность.

Салан вопреки этому не имел другого аргумента чем указание на то, что и он сам 15 мая 1958 года способствовал генералу de Gaulle в достижении власти [и в борьбе] против тогдашнего легального правительства, что он тогда был обязан перед своей совестью, своим Pairs, своим отечеством и перед Богом и теперь, в 1962 году, видит себя обманутым во всём том, что в мае 1958 года было провозглашено и обещано как святое (отчёт о процессе, S. 85). Он ссылался на нацию в противоположность государству, на более высокий вид легитимности в противоположность легальности. И генерал de Gaulle раньше часто говорил о традиционной и национальной легитимности и противопоставлял их республиканской легальности. Это изменилось с наступлением мая 1958 года. И тот факт, что его собственная легальность стала несомненной только со времени референдума сентября 1958 года, ничего не изменила в том, что он самое позднее с того сентября 1958 года имел на своей стороне республиканскую легальность и Салан видел себя вынужденным, занимать сомнительную для солдата позицию, ссылаться вопреки регулярности на нерегулярность и превращать регулярную армию в партизанскую организацию.

Однако нерегулярность сама по себе ничего не конституирует. Она становится просто нелегальностью. Впрочем, сегодня бесспорен кризис закона и тем самым кризис легальности. Классическое понятие закона, одно сохранение которого способно держать республиканскую легальность, ставится под вопрос планом и мероприятием. В Германии ссылка на право в противоположность закону и у самих юристов стала само собой разумеющимся делом, которое едва ли ещё обращает на себя внимание. И не-юристы сегодня говорят всегда просто легитимно (а не легально), если они хотят сказать, что они

правы. Однако случай Салана показывает, что в современном государстве даже сама подвергнутая сомнению легальность сильнее, чем любой иной вид права. Это объясняется децизионистской силой государства и его превращением права в закон. Здесь нам нет нужды углубляться в этот вопрос. Быть может всё это совершенно изменится, когда государство однажды «отомрёт». Пока что легальность является неотразимым функциональным модусом каждой современной, государственной армии. Легальное правительство решает, кто является врагом, против которого должна бороться армия. Тот, кто берётся определять то, кто враг, притязает на собственную, новую легальность, если он не желает присоединиться к определению врага прежним легальным правлением.

Настоящий враг

Объявление войны всегда есть объявление врага; это само собой разумеется; а при объявлении гражданской войны это тем более подразумевается. Когда Салан объявил гражданскую войну, он в действительности провозглашал двух врагов: в отношении алжирского фронта продолжение регулярной и нерегулярной войны; в отношении французского правительства начало нелегальной и нерегулярной гражданской войны. Ничто иное не проясняет безвыходность ситуации Салана так отчётливо, как рассмотрение этого двойного объявления врага. Каждая война на два фронта вызывает вопрос, кто же на деле является настоящим врагом. Не знак ли это внутреннего раздвоения – иметь больше одного единственного настоящего врага? Враг – это наш собственный вопрос как гештальт. Если собственный гештальт однозначно определён, откуда тогда берётся удвоение врага? Враг – это не нечто такое, что по какой-либо причине должно быть устранено и из-за своей малочисленности уничтожено. Враг находится в моей собственной сфере. По этой причине я должен столкнуться с ним в борьбе для того, чтобы обрести собственную меру, собственные границы, собственный образ и облик.

Салан считал алжирского партизана абсолютным врагом. Внезапно в его тылу возник гораздо более скверный для него, более интенсивный враг – собственное правительство, собственный начальник, собственный брат. В своих вчерашних братьях он внезапно увидел нового врага. Это суть случая Салана. Вчерашний брат раскрылся как более опасный враг. В самом понятии врага должна заключаться путаница, которая тесно связана с учением о войне и прояснением которой мы займёмся теперь, в конце нашего изложения.

Историк найдёт для всех исторических ситуаций примеры и параллели в мировой истории. Мы уже обозначили параллели с процессами 1812/13 годов прусской истории. Мы также показали, как в идеях и планах прусской реформы армии 1808/13 годов партизан обрёл свою философскую легитима-

цию, а в прусском эдикте о ландштурме апреля 1813 года – свой исторический аккредитив. Так что теперь не должно показаться странным, как было бы на первый взгляд, если мы для лучшей разработки главного вопроса привлечём в качестве примера ситуацию прусского генерала Йорка зимы 1812-1813 годов. Вначале в глаза, конечно, бросаются противоположности: Салан, француз левореспубликанского происхождения и современно-технократической чеканки, против генерала императорской прусской армии 1812 года, который определённо не мог прийти к мысли объявить своему императору и высшему военачальнику гражданскую войну. Перед лицом таких различий эпох и типов представляется второстепенным и даже случайным, что и Йорк воевал офицером в колониях Ост-Индии. Впрочем, именно бросающиеся в глаза противоположности тем более отчётливо проясняют то, что главный вопрос тот же самый. Ибо в обоих случаях речь шла о том, чтобы решить, кто был настоящим враг.

Децизионистская точность господствует в функционировании каждой современной организации, в особенности в функционировании каждой современной, регулярной государственной армии. При этом главный вопрос для ситуации сегодняшнего генерала весьма точно предстаёт как абсолютное Или-или. Резкая альтернатива легальности и легитимности – это лишь следствие французской революции и её столкновения с реставрацией легитимной монархии 1815 года. В такой дореволюционной легитимной монархии, как тогдашняя королевская Пруссия многие феодальные элементы сохраняли связь начальства и подчинения. Верность ещё не стала чем-то «иррациональным» и ещё не растворилась в простом, исчислимом функционализме. Пруссия уже тогда была чётко выраженным *государством*; её армия не могла отречься от фридрицианского происхождения; прусские реформаторы армии хотели модернизировать, а не возвращаться к каким-либо формам феодализма. Тем не менее обстановка и среда легитимной прусской монархии того времени может показаться сегодняшнему наблюдателю и в конфликтном случае менее острой и резкой, менее децизионистско-государственной. Об этом сейчас не требуется спорить. Дело заключается только в том, что впечатления различных одеяний эпох не стирают главный вопрос, именно вопрос о настоящем враге.

Йорк в 1812 году командовал прусским вспомогательным корпусом, который как союзный Наполеону отряд принадлежал к армии французского генерала Макдональда. В декабре 1812 года Йорк перешёл на сторону врага, на сторону русских, и заключил с русским генералом фон Дибичем известную Таурогенскую конвенцию. Во время переговоров и при заключении конвенции с русской стороны в качестве посредника принимал участие подполковник фон Клаузевиц. Письмо, которое Йорк 3 января 1813 года направил своему королю и верховному главнокомандующему, стало знаменитым историческим документом. Это справедливо. Прусский генерал с большим почтением пишет, что он ожидает от короля суждения о том, может ли он, Йорк, сра-

жаться «против настоящего врага», или же король осуждает поступок своего генерала. Он преданно ожидает ответа, готовый, в случае порицания, «ждать пули на поле битвы».

Слова о «настоящем враге» достойны Клаузевица и схватывают суть. То, что генерал готов «ждать пули на поле битвы», относится к солдату, который отвечает за свой поступок, не иначе чем генерал Салан был готов крикнуть *Vive la France!* в окопах Vincennes перед расстрелом. Однако то, что Йорк, при всём почтении к королю, оставляет за собой право решать, кто является «настоящим врагом», – придаёт его словам подлинный, трагический и бунтарский смысл. Йорк не был партизаном и, пожалуй, никогда бы им не стал. Но в горизонте смысла и понятия настоящего врага шаг в партизанство не был бы ни абсурдным, ни непоследовательным.

Конечно это только эвристическая фикция, допустимая на краткое мгновение, когда прусские офицеры возвысили партизана до идеи, то есть только на это поворотное время, которое привело к эдикту о ландштурме 13 апреля 1813 года. Уже спустя несколько месяцев мысль, что прусский генерал мог бы стать партизаном, стала бы даже как эвристическая фикция гротескна и абсурдна и оставалась бы такою навсегда, покуда существовала прусская армия. Как было возможно то, что партизан, который в 17 веке опустился до *Picaro* (плута) и в 18 веке принадлежал лёгкому, подвижному отряду, в канун 1813 года на краткое мгновение предстал героической фигурой, чтобы затем в наше время, более ста лет спустя, стать даже ключевой фигурой в международных событиях?

Ответ на этот вопрос явствует из того, что нерегулярность партизана остаётся зависимой от смысла и содержания конкретно регулярного. После разложения и распада в Германии 17 века, в 18 веке развилась регулярность войн по династическим причинам. Эта регулярность придала войне настолько сильные оберегания, что война могла рассматриваться как игра, в которой нерегулярно участвовал лёгкий, подвижный отряд и враг как просто конвенциональный враг стал партнёром в военной игре. Испанская герилья началась, когда Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию. Здесь имелось различие с Пруссией 1806-1807 годов, которая после поражения своей регулярной армии тотчас же заключила унижительный мир. Испанский партизан снова восстановил серьёзность войны, а именно в противоположность Наполеону, соответственно на стороне обороны старых европейских континентальных государств, чья старая, ставшая конвенцией и игрой регулярность показала себя не на высоте новой, революционно заряженной, наполеоновской регулярности. Враг тем самым вновь стал настоящим врагом, война – снова настоящей войной. Партизан, защищающий национальную почву от чужого завоевателя, стал героем, который по-настоящему боролся против настоящего врага. Это был, в самом деле, важный процесс, который привёл Клаузевица к его теории и к *учению о войне*. Когда потом

сто лет спустя теория войны такого профессионального революционера, как Ленин слепо разрушила все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной, и партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага.

От настоящего врага к врагу абсолютному

В теории войны всё время идёт речь о различении вражды, которая даёт войне её смысл и её характер. Каждая попытка оберегания или ограничения войны должна быть исполнена сознания, что – в отношении к понятию войны – вражда является первичным понятием, и что различению разных видов войны предшествует различение разных видов вражды. Иначе все старания оберегания или ограничения войны – это лишь игра, которая оказывается несостоятельной перед взрывами настоящей вражды. После наполеоновских войн нерегулярная война была вытеснена из всеобщего сознания европейских теологов, философов и юристов. Действительно имелись сторонники мира, которые усматривали в отмене и ликвидации конвенциональной войны Гаагского устава сухопутной войны конец войны вообще; и имелись юристы, которые каждое учение о справедливой войне считали чем-то *eo ipso* справедливым, поскольку уже святой Фома Аквинский учил о чём-то подобном. Никто не подозревал, что означало раскрепощение, высвобождение нерегулярной войны. Никто не думал, какие следствия будет иметь победа гражданских над солдатом, когда однажды гражданин наденет униформу, в то время как партизан её снимет, чтобы продолжать борьбу без униформы.

Только этот дефицит конкретного мышления завершил разрушительную работу профессиональных революционеров. Это было большим несчастьем, ибо с теми обереганиями войны европейскому человечеству удалось достичь чего-то редкого: отказа от криминализации противника в войне, итак релятивизации вражды, отрицания абсолютной вражды. Это, в самом деле, нечто редкое, даже невероятно гуманное – привести людей к тому, что они отказываются от дискриминации и диффамации своих врагов.

Именно это, как представляется, снова поставлено под вопрос партизаном. К его критериям принадлежит крайняя интенсивность политической ангажированности. Когда Че Гевара говорит: «Партизан – это иезуит войны», то он имеет в виду безусловность политического применения. Биография каждого знаменитого партизана, начиная с *Empesinado*, подтверждает это. Во вражде незаконно сделанное ищет своё право. В ней оно находит смысл дела и смысл права, когда рушится скорлупа защиты и повиновения, где оно до сих пор обитало, или разрывает ткань норм легальности, от которой оно до сих пор могло ожидать права и правовой защиты. Тогда прекращается конвенциональная, традиционная игра. Но это прекращение правовой защиты не обязательно является партизанством. Михаэль Колхас (Michael Kohlhaas), кото-

рого чувство права сделало разбойником и убийцей, не был партизаном, поскольку он не стал политически ангажированным и боролся исключительно за своё собственное нарушенное частное право, не против чужого завоевателя и не за революционное дело. В таких случаях нерегулярность является неполитической и становится чисто криминальной, так как теряет позитивную связь с где-нибудь имеющейся регулярностью. Этим партизан отличается от – благородного или неблагородного – предводителя разбойников.

При разборе всемирно-политического контекста мы подчёркивали, что *заинтересованный третий* берёт на себя существенную функцию, когда он вступает в отношение к регулярному, которое необходимо нерегулярности партизана для того, чтобы оставаться в области политического. Ядро, сущность Политического – это не просто вражда, но различие друга и врага, Политическое предполагает обоих, друга и врага. Заинтересованный в партизанах могущественный третий может эгоистически думать и действовать; со своим интересом политически он находится на стороне партизана. Это имеет следствием политическую дружбу и является видом политического признания, даже если дело не доходит до гласных и официальных признаний как воюющей партии или как правительства. Empecinado был признан своим народом, регулярной армией и великой английской державой как политическая величина. Он не был Михаэлем Колхасом и не был Шиндерханнесом (прозвище главаря разбойников, умершего в 1808 году), чьим заинтересованным третьим были покровители преступников. Напротив, политическая ситуация Салана была окрашена полным отчаяния трагизмом, ибо он внутривнутриполитически, на своей родине, стал нелегальным, а снаружи, в мировой политике, не только не нашёл никакого заинтересованного третьего, но, напротив, натолкнулся на твёрдый вражеский фронт антиколониализма.

Итак, враг партизана – настоящий враг, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана. Другая граница вражды явствует из теллурического характера партизана. Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан. Его основная позиция остаётся оборонительной, несмотря на усилившуюся подвижность его тактики. Он ведёт себя точно так же, как святая Иоанна Орлеанская перед церковным судом. Она не была партизанкой и регулярным образом боролась против англичан. Когда церковный судья задал ей вопрос – теологический вопрос-ловушку – не будет ли она утверждать, что Бог ненавидит англичан, она ответила: «О том, любит ли Бог англичан или же ненавидит их, я не знаю; я знаю только, что они должны быть изгнаны из Франции». Такой ответ дал бы каждый нормальный партизан – защитник национальной почвы. С таким оборонительным характером дано и принципиальное ограничение вражды. Настоящий враг не объявляется абсолютным врагом, и не провозглашается последним врагом человечества вообще.

Ленин перенёс понятийный центр тяжести с войны на политику, то есть на различие друга и врага. Это было рационально и после Клаузевица являлось последовательным продолжением мысли о войне как продолжении политики. Только Ленин как профессиональный революционер, охваченный идеей всемирной гражданской войны, пошёл дальше и сделал из настоящего врага абсолютного врага. Клаузевиц говорил об абсолютной войне, но всё ещё предполагал как условие регулярность наличной государственности. Он вообще ещё не мог представить себе государство как инструмент партии и партию, которая приказывает государству. С абсолютным полаганием партии и партизан стал абсолютным и возвысился до носителя абсолютной вражды. Сегодня нетрудно увидеть идейный искусный приём, вызвавший это изменение понятия врага. Напротив сегодня гораздо сложнее оспорить иной вид абсолютного полагания врага, поскольку этот вид полагания представляется имманентным наличной действительности атомной эпохи.

Ибо технически-индустриальное развитие усилило вооружения людей до чистых средств уничтожения. Тем самым создаётся вызывающая несоразмерность защиты и повиновения: одна половина человечества становится заложником для другой половины повелителей, вооружённых атомными средствами уничтожения. Такие абсолютные средства уничтожения требуют абсолютного врага, если они не должны быть абсолютно нечеловеческими. Ведь уничтожают не средства уничтожения сами по себе, но люди уничтожают этими средствами других людей. Английский философ Томас Гоббс схватил суть процесса уже в 17 веке (*de homine IX, 3*) и сформулировал её со всей точностью, хотя тогда (1659) вооружения были ещё сравнительно безобидными. Гоббс говорит: человек так же гораздо более опасен для других людей, которые, как ему кажется, ему угрожают, чем любое животное, как вооружения человека опаснее, чем так называемые естественные орудия зверя, к примеру: зубы, лапы, рога или яд. А немецкий философ Гегель добавляет: оружие есть сущность самого борца.

Конкретно говоря, это значит: супраконвенциональное оружие предполагает супраконвенционального человека. Оно не только предполагает его как постулат далёкого будущего; оно скорее допускает его как уже наличную действительность. Итак, последняя опасность заключается не в наличии средств уничтожения и не в дорациональном зле человека. Она состоит в неизбежности морального принуждения, насилия. Люди, применяющие те средства против других людей, принуждены и морально уничтожать этих других людей, то есть своих жертв и свои объекты. Они должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью. Иначе они сами являются преступниками и чудовищами, нелюдьми. Логика ценности и малоценности развёртывает всю свою уничтожающую последовательность и вынуждает всё новые, всё более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до уничтожения всякой не имеющей ценности жизни.

В мире, в котором партнёры таким образом взаимно врываються в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые виды абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и совершенно абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно никакая цена не является слишком высокой. Лишь отрицание настоящей вражды открывает свободный путь для дела уничтожения абсолютной вражды.

В 1914 году народы и правительства Европы без абсолютной вражды нетвёрдо стоя на ногах, с закружившейся головой вступили в Первую мировую войну. Настоящая вражда возникла только из самой войны, которая началась как традиционная война государств европейского международного права и окончилась всемирной гражданской войной революционной классовой вражды. Кто предотвратит то, что аналогичным, но ещё бесконечно усиленным образом неожиданно возникнут новые виды вражды, чьё осуществление вызовет нежданные формы проявления нового партизанства?

Теоретик не может делать больше того, чтобы хранить понятия и называть вещи своими именами. Теория партизана выливается в понятие политического, в вопрос о настоящем враге и о новом Номосе Земли.

Сокращенный перевод с немецкого: *Ю.Ю. Коринца*

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).